

Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская

**Д.Е. МАКСИМОВ В ПЕРЕПИСКЕ
С А.И. ЖУРАВЛЕВОЙ: ДОКУМЕНТЫ К ИСТОРИИ
ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX века**

Вводится в научный оборот переписка известных филологов Д.Е. Максимова и А.И. Журавлевой, особенно интенсивная в 1960-х годах; публикуются и комментируются выдержки из писем Максимова, посвященные творчеству Лермонтова, а также некоторые данные из протоколов лермонтовских конференций 1958 и 1959 гг., сохранившихся среди бумаг лермонтовского семинара под руководством В.Н. Турбина (филологический факультет МГУ). Высказываются некоторые предварительные замечания о возможном развитии некоторых идей Максимова в работах Журавлевой, а также о принципиальных различиях в научной позиции ученых разных поколений.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, Д.Е. Максимов, А.И. Журавлева, история литературоведения, лермонтовский семинар в МГУ.

The correspondence (particularly intense in the 1960s) of renowned philologists D.E. Maksimov and A.I. Zhuravleva is presented; some excerpts from Maximov's letters, dedicated to Lermontov's work, are quoted and commented on, as well as some data from the protocols of Lermontov conferences (1958 and 1959), preserved among the papers of a Lermontov seminar conducted by V.N. Turbin (MSU, the Philological Faculty). Some preliminary observations are made on the possible development of certain of Maximov's ideas by Zhuravleva, but also on fundamental differences in attitudes of scholars that belong to different generations.

Key words: M.Yu. Lermontov, D.E. Maximov, A.I. Zhuravleva, history of literary criticism, seminar, the Lermontov studies at MSU.

В личном архиве известного историка литературы, профессора Московского университета Анны Ивановны Журавлевой мы нашли 52 письма и открытку от Дмитрия Евгеньевича Максимова (предполагается передать в личный фонд А.И. Журавлевой и Вс.Н. Некрасова в РГАЛИ (№ 3445), а копии – в ОР РНБ, в фонд Д.Е. Максимова (№ 1136)). Самое раннее письмо из пока обнаруженных (судя по всему, их было больше) – от 28 октября 1964 г., с 1964 по 16 октября 1967 г. – 32 нумерованных; последнее от 21 октября 1985 г. В фонде



Слева направо: Д.Е. Максимов, В.Н. Турбин, В.А. Мануйлов (из личного архива А.И. Журавлевой)

Д.Е. Максимова сохранилось только три письма А.И. Журавлевой¹, хотя их было, видимо, немало.

Как можно понять из письма Максимова от 20 декабря 1978 г., они с Журавлевой близко познакомились лично осенью 1964 г. на Лермонтовской конференции в Тарханах:

«Я горжусь, что когда-то давным-давно, в пензенских местах усмотрел и отметил для себя эту талантливую и такую человеческую девушку (тогда – турбинистку), может быть – единственную в Москве настоящую москвичку (для меня это – чин)...»².

В 1964 г. Журавлева работает над кандидатской диссертацией «Лермонтов и романтическая лирика 30-х годов XIX в.» (Максимов напишет внешний отзыв³) и уже успела опубликовать статью, содержащую ее концептуальную основу⁴.

* * *

Собственно, первая профессиональная встреча Максимова и Журавлевой состоялась гораздо раньше (хотя, видимо, не запомнилась Максиму отчетливо) и связана с одним существенным и не вполне обычным эпизодом в истории лермонтоведения, заслуживающим отдельного разговора. В 1958 и 1959 гг. лермонтоведческие семи-

¹ А.И. Журавлева. Письмо Д.Е. Максиму, 18 декабря 1964 г. (ОР РНБ. Ф. 1136 (Д.Е. Максимова). Оп. 2. № 471); не атрибутированные ранее в описи значатся как письма от «Аси», от 24 июня 1966 и 23 сент. 1986 (ОР РНБ. Оп. 2. № 675).

² См. фото Максимова и Журавлевой, сделанное по дороге в Тарханы: <http://morebo.ru/tema/segodnja/item/1389534796552>. Журавлева и Максимов оба принимали участие и в Лермонтовской конференции 1965 г. в Пятигорске.

³ ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. № 268.

⁴ Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов // Научные доклады высш. школы. Филол. науки. 1964. № 3. С. 3–14.

нары Москвы и Ленинграда – семинар В.Н. Турбина (МГУ), В.А. Мануйлова (ЛГУ) и А.М. Докусова (ЛГПИ им. А.И. Герцена) – провели две студенческие конференции (в 1958 г. в Ленинграде, в 1959 г. в Москве), имевшие целью, в частности, активное полемическое общение научных школ, осознававших себя как методологически разные (особенно прямо об этом говорил В.Н. Турбин; А.М. Докусов, правда, утверждал вопреки очевидности, что «никаких школ нет. У нас единые методологические позиции – марксизм плох быть не может»). Журавлева принимала участие как докладчица в обеих конференциях (в 1958 г. с докладом «Ап. Григорьев о Лермонтове (Из истории литературной борьбы 1830-х – 40-х годов)», в 1959 г. с докладом «О литературоведческом и лингвистическом методе анализа стиля художественного произведения (на материале лирики Лермонтова)»).

Как мы можем судить по воспоминаниям и сохранившимся в домашних архивах документам, в шестидесятые годы возвращалась традиция университетских спецсеминаров как ядра научной жизни, где намечались не только дальнейшие академические судьбы, но и складывалась целая культура внесеминарских отношений. Лермонтовский семинар на филологическом факультете МГУ, так называемый турбинский семинар, начал свое существование после смерти Сталина, а когда туда пришла А.И. Журавлева (в 1956 г.), он стал уже «легендарным»⁵. О семинаре существует немало опубликованных мемуаров и разного типа высказываний филологов, учившихся в Московском университете в 1960–1970-е годы. В основном эти воспоминания носят эмоциональный характер, у нас до сих пор нет аналитического описания того феномена семинарской жизни, что расцвел и угас за полтора десятилетия (к концу 1970-х годов эта вспышка сошла на нет).

Подробные стенограммы лермонтовских конференций (машинопись и рукопись) нам любезно передала Леонтина Сергеевна Мелихова, ученица В.Н. Турбина⁶; эти материалы, важные в разных отношениях, выразительно рисуют характер расхождений между

⁵ Журавлева А.И. Семинар уже был легендарным // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М., 2006; см. также: URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/zhuravleva>

⁶ Леонтина Сергеевна занималась Лермонтовым и позже, ей принадлежат некоторые статьи в «Лермонтовской энциклопедии» (в частности, «Стиль»). Среди переданных Л.С. Мелиховой материалов есть также курсовые работы участников семинара (1955–1963) и 35 писем А.И. Журавлевой, относящиеся к первым годам после окончания университета (1961–1963), где, в частности, вспоминаются детали работы семинара, домашнего общения околосеминарского круга. См.: Мелихова Л.С., Турбин В.Н. Поэмы Лермонтова (Опыт анализа жанрового своеобразия художественного произведения). Тезисы-конспект спец. курса для студентов-заочников филол. ф-тов ун-тов. М., 1969.

московской и ленинградской школами, содержат некоторые значимые суждения о Лермонтове и, помимо всего прочего, свидетельствуют о необычно серьезном отношении участников к научной дискуссии: обсуждению одного–двух докладов (студенческих!) мог быть посвящен день работы, оппоненты (в протоколах они называются именно так!), видимо, назначались заранее, но кроме них в обсуждении принимали участие почти все присутствующие, и всё это подробно фиксировалось (редкая защита диссертации сейчас бывает удостоя на такой живой полемики). Чаще других из «старших» выступали руководители семинаров, из «младших» – В.Э. Вацуро, участник семинара Мануйлова (выпускник 1959 г.)

Д.Е. Максимов принимал участие как слушатель в конференции 1958 г. Предполагая в дальнейшем ввести в научный оборот материалы протоколов, здесь мы приведем только записи выступлений Максимова (зафиксировано всего два): конечно, они не вполне внятные, как не всегда бывает внятной любая устная речь, вырванная из контекста и записанная; возможно, и записаны они не вполне точно. Однако эти записи ценны: помимо того, что содержат некоторые соображения выдающегося ученого, более им нигде не высказанные, они, в частности, дают живое представление о риторических рамках, о границах возможного в публичном выступлении 1958 г.

1. 11 мая 1958 г., заключительное слово при обсуждении докладов И.А. Богачека «Поэма Лермонтова “Сашка”» (семинар ЛГПИ) и Т.Н. Скорбининой «“Сашка” как поэма о современнике» (семинар МГУ)

Тенденции территориальные есть, но они, к сожалению, не вылились в школы. Разумеется, все это в рамках марксизма. Это очень плодотворно для науки. Предельный уровень ее был намного выше именно по этой причине. Мы высиживаем «кирпичи», которые никто не читает.

Построение русской армии в Петровскую эпоху началось с игры, а потом из этого вышло дело. Мы очень важничаем, говоря о теоретических направлениях, скорее это психологические тенденции в подходе к материалам, но, может, из нашей «игры» что-то выйдет. И фактография, и стремление к обобщениям равно необходимы.

В ряде работ теряется своеобразие писателей – герценовское приписываем Лермонтову и т. д.

Во втором докладе <И.А. Богачека> есть хорошая антилакировочная тенденция. Это вопрос о Пушкине. Считая Пушкина последних лет безусловно революционером, мы начисто отбрасываем отношение к нему революционных демократов. Не присоединяясь полностью к позиции Богачека, необходимо приветствовать его попытку пересмотреть ряд обветшалых положений, преодолеть лакировку.

В построении доклада Богачека была допущена ошибка – слишком много материала. Отсюда скольжение по нему в некоторых местах. По-

лучается несколько примитивным переход от романтизма к реализму через иронию. Это происходит более сложным путем.

Иногда просто читательское <подчеркнуто в самих протоколах> восприятие произведения искусства бывает более верным, чем литературоведческий анализ. А «Сашка» не без недостатков. Но ведь это же любимое наше произведение. Не «Демон», не «Казначейша». Это гениальная неудача. Не завершённое произведение, а «процесс»⁷. Здесь уместна параллель с «Вадимом» – Лермонтов не смог совместить романтический метод в обрисовке героев и реалистический показ действительности. Примерно то же – в «Сашке».

Скорбинина подошла к характеру Сашки более серьезно – слабые в этом характере безошибочны, а синтеза не вышло. Бытовой и романтический Сашка – это возможно (это было в какой-то мере и в самом Лермонтове)? Но это не сомкнулось художественно. Лермонтов почувствовал это и бросил «Сашку». Это произведение не закончено по железным законам искусства.

II. 15 мая 1958 г., заключительное заседание

Семинар – в значительной степени лаборатория, в которой делаются эксперименты и модели. Всё это мы видели и на конференции. Доклад Ольшевской⁸ – лабораторный опыт, который со временем может откристаллизироваться, во что-то оформиться.

Сегодняшний доклад <З.И. Сироткиной, «О неоконченной повести Лермонтова “Вадим”», МГУ> – нечто иное. В начале у меня было пониженное настроение. Мне показалось, что в нем нет ничего от вопросов искусства. Но на самом деле это не так. Привлекает научный темперамент, стиль, правда, немножко цветистый. Но это неплохо, так как литературоведческие работы иногда пишутся языком учебника бухгалтерии. Вторая половина доклада меня прямо-таки заинтересовала. В докладе чувствуется некоторая имманентность, замкнутость в одном произведении.

Книга Михайловой – лучшая работа о Лермонтове за последнее время⁹. Но она недостаточно оценивает прогрессивные стороны «Вадима», очень интересного произведения, энциклопедии лермонтовского романтизма.

Романтизм – это еще не недостаток. В литературе есть не только познавательная сторона. Если подойти к «Вадиму» без диалектики – непонятно, как Лермонтов шел дальше.

⁷ Почти теми же словами, противопоставляя «завершённое произведение» и «процесс», Журавлева в семидесятые будет писать о «Демоне», но его незавершённость будет оцениваться не как недостаток, а как особое качество. Сама формулировка, возможно, восходит к впечатлениям от этого выступления Максимова.

⁸ Ольшевская – ученица Максимова (ЛГПИ), ее доклад «Сравнительная характеристика “Героя нашего времени” и “Евгения Онегина”» содержал, в частности, попытку толковать «Героя» как произведение более «романтическое», чем роман Пушкина, и вызвал резкую полемику.

⁹ Михайлова Е. Проза Лермонтова. М., 1957.

В 1950-х годах Д.Е. Максимов почти после двадцатилетнего перерыва¹⁰ всерьез возвращается к изучению творчества Лермонтова, вынужденно по идеологическим и цензурным мотивам оставив свои главные блоковские темы и историю русского символизма. Занятия Лермонтовым приводят к созданию единственной книги Максимова о Лермонтове¹¹ и защите докторской диссертации в 1964 г. В 1960-е годы, как известно, появляется идеологическая возможность иначе отнестись к романтической культуре с ее признанием особой ценности личности; социологические оценки редуцируются, на первый план выдвигается значимость законов литературного произведения. Так, Д.Е. Максимов говорит об особом качестве лермонтовского лиризма, в котором сочетается недоговоренность, недосказанность, незавершённость поэтического творчества, остановленного на полном ходу, глубина и мощь трагического высказывания. Объяснение особого «лермонтовского элемента» (Белинский) и «лермонтовского человека», предложенное Максимовым, было серьезным прорывом и открытием в литературоведении второй половины XX в.

Однако положение Максимова в научной среде было довольно сложным. Статьи Максимова 1950-х – 1960-х¹² и его книга «Поэзия Лермонтова» почти наверняка обсуждались участниками лермонтовского семинара Турбина, о чем свидетельствует, в частности, написанный В.Н. Турбиным в соавторстве с А.И. Журавлевой лермонтовский семинарий¹³, где «Поэзия Лермонтова» названа среди небольшого числа самых нужных филологу книг. «Ему отдавали дань и почитали», – вспоминает Л.С. Мелихова; правда, и она, и некоторые другие ее ровесники из семинара признают, что в шестидесятых годах Д.Е. Максимов был для молодых москвичей отчасти далекой фигурой.

¹⁰ Его первая публикация 1939 г., посвященная лирике Лермонтова, обратила на себя внимание, в частности, Б.М. Эйхенбаума и Л.Я. Гинзбург.

¹¹ См.: Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 327 с. (2-е изд. Л., 1964; по мнению автора, выраженному в письме Журавлевой, оно существенно переработано).

¹² Максимов Д.Е. Образ поэта в лирическом творчестве: К итогам дискуссии о лирическом герое в поэзии // На рубеже. 1954. № 6. С. 70–74; Он же. Образ простого человека в лирике Лермонтова: К постановке вопроса // Учен. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Покровского. Л., 1954, ф-т языка и литературы. Т. 9. Вып. 3. С. 143–209; Он же. «Мцыри», поэма Лермонтова // Русская литература. 1958. № 4. С. 71–97; Он же. Тема простого человека в лирике Лермонтова // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 208, 273; Он же. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. 1964. № 3. С. 3–12.

¹³ Журавлева А.И., Турбин В.Н. Творчество М.Ю. Лермонтова: Семинарий для студентов-заочников филол. ф-тов гос. ун-тов. М., 1967.

В Ленинграде всё было иначе, ученики Максимова – Кушнер, Кривулин – явно ценили Максимова не только как академического ученого, но как свидетеля Серебряного века и оригинального поэта¹⁴. Максимов, руководитель Блоковского семинара, был, как известно, важен для ученых тартуской школы, о которой он, кстати, и в письмах Журавлевой упоминает часто и заинтересованно: 16 июня 1966 г. просит рассказать ему, понравился ли Журавлевой доклад Ю.М. Лотмана на конференции в Пскове, весной 1967 г. уговаривает (безуспешно) участвовать в конференции в Тарту. При этом методологически новое поколение в филологии было для Максимова не вполне близко: именно поколение в целом. С точки зрения нашего времени можно увидеть немного общего между тартуской школой и ранними работами Журавлевой, однако им, видимо, в равной степени адресованы критические слова Максимова в письме от 28 октября 1964 г., имеющие своим непосредственным поводом статью Журавлевой¹⁵.

«Ася, статья Ваша свидетельствует о таланте автора и вносит нечто новое – особенно разбор “1831-го июня 11 дня”. Но у меня есть опасение общего свойства. Вся новая, “прогрессивная” история литературы, все мы устремлены к изучению метода, структуры писателя, и эта линия, конечно, должна развиваться. Но не ведет ли эта гипертрофия метода, исключительность внимания к методу – к дегуманизации литературы? Все же в литературе самое важное – духовная энергия определенного направления, а структурный анализ лишь отчасти ее выражает. Личность писателя – душа произведения, и она лишь отчасти сводима к методу писателя. Я допускаю, что в поэзии 20–30 гг. можно уловить потенции, ведущие 1) к мысли и 2) к процессу мысли. Но имеем ли мы право сказать, что эти потенции настолько сильны и исторически реальны, что на основании их мы можем классифицировать поэзию того времени? И еще: не слишком ли Вы спускаете Чернышевского (о диалектике Толстого) на лирику Лермонтова?»¹⁶ Много ли у Вас примеров

¹⁴ См. об этом, между прочим, и в письме Максимова Журавлевой от 14 мая 1965 г.: «... Я рад, что наш город Вам понравился. Жаль только, что не удалось познакомить Вас с хорошей здешней молодежью. Она не сплочена так, как нужно было бы, но все-таки вьется по городу, вносит в этот застоявшийся мир какую-то свежесть. Плохо только, что среди этих милых мальчиков и девочек расплодилось снобы и эстеты. Эту категорию не выношу – они не лучше носорогов» (обсуждали до того пьесу Ионеско?). Машинопись стихов А. Кушнера на смерть Ахматовой присылала Журавлевой Л.Я. Максимова.

¹⁵ См.: Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов.

¹⁶ Если для Максимова соображения Журавлевой о нелинейности поэтической мысли (см.: Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов) встраиваются в явно антипатичный ему, возможно, даже официальный контекст «диалектики» императивно навязываемого сверху Чернышевского, то, глядя из другой эпохи, они могут быть восприняты в совершенно ином измерении: наиболее очевидным образом в контексте нетрадиционалистской поэзии XX в.: ср., например, о нелинейной структуре поэтической речи в статье поэта Всеволода Николаевича Некрасова «Объяснительная записка». Заметим, что Некрасов и Журавлева встретились только в 1966, а поженились в 1967 г.; не исключено, однако, что Лермонтова Журавлева и в 1964 г. видит глазами читателя, обладающего эстетическим опытом XX в., а

(помимо одного убедительного: стих. “1831 11 дня”), которые дают Вам право толковать лирику Лермонтова как отражение процесса мысли? Помоему, даже в “Герое нашего времени” изображаются скорее результаты мыслительных актов, чем процесс.

Всё это только домыслы, которые могут разлететься как дым, если Ваши рассуждения будут включены в более широкий контекст. Остается только одна опасность – гипертрофия метода, которая может дегуманизировать историю литературы. Но это – вопрос, стоящий перед всеми нами.

...А Вашему притяжению к Достоевскому¹⁷ очень-очень сочувствую. Если бы я начинал жить снова, то, может быть, и сам бы сделал его своей главной темой».

31 января 1968 г. в письме по поводу кандидатской работы Журавлевой¹⁸ Максимов продолжает говорить об этих методологических расхождениях:

«А у меня, когда я читал Вашу работу, накопился материал для “интимного” о ней разговора. <...>

А разговор мой не должен повторять вполне искренние похвалы, которые содержатся в моем коротеньком университетском отзыве, и имеет действительно интимный характер, т.е. основывается на моем вполне личном отношении к истории литературы.

Мне показалось, что Ваша работа грешит излишней “историко-литературностью”, т.е. некоторой отключенностью от острых вопросов сознания той и нашей эпохи.

Не боясь слов, я скажу, что в ней ощущается симптоматичный для хорошей молодежи последнего времени чуть заметный крен к формализму (он есть и у Л. Гинзбург). Вопрос о жанрах Вас едва ли не больше интересует, чем духовные боли и вопросы того времени, которыми в первую очередь жил и Лермонтов и Любомудры. И жанры, конечно, очень нужны, но у Вас они как-то вытесняют более горячие линии сравнений (напр., с А. Одоевским и Кюхлей). Тем более, что духовное содержание (засловесное), даже этика тоже имеет свою структуру, подлежащую изучению (внутренняя форма)».

Особый сюжет – отношение Максимова к ситуации в современном ему лермонтоведении, которую, несмотря на открывшиеся новые возможности, явный энтузиазм участников лермонтоведческих семинаров и проч. он оценивал скептически. От участия в лермонтоведческих конференциях Максимов уклоняется уже с середины шестидесятых; между тем, например, в письме от 14 мая 1965 г. заявление: «...я... не поеду – неповоротливым стал, доклада нет» – соседствует с довольно подробным изложением явно занимающих

Некрасову в 1971 г. кое-что в его собственной художественной позиции становится яснее благодаря историко-литературным работам Журавлевой.

¹⁷ Журавлева А.И. Лермонтов и Достоевский // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 5. С. 386–392.

¹⁸ Максимов сделал, по его собственному свидетельству, многочисленные пометы на своем экземпляре машинописи диссертации А.И. Журавлевой; к сожалению, мы пока не смогли его найти.

его новых мыслей о Лермонтове, которые, однако, по некоторым причинам автор не собирается разрабатывать публично:

«Тему о лирике и “Герое”, кажется, затронул (в 1–2 фразах!) Эйхенбаум и, помнится, – в таком же объеме! – и я. Речь шла о психологическом анализе в “Герое”, о его подготовке в аналитической лирике Лермонтова – главным образом раннего. Эту тему, в этом аспекте, по-моему, и нужно было бы вернуть на материал – она особенно ощутима. Что же касается остального, то все это менее рельефно и пригодно скорее для общей работы о “Герое” (как момент ее), чем для специальной статьи. В этом смысле интересно сравнить резкий жанрово-стилевой разрыв пушкинской прозы и пушкинской лирики и близость того и другого у Лермонтова, а также стихоподобность прозы Гоголя. Как будто уходящая из литературы поэзия одаряет собою прозу. Или иначе <:> романтически-субъективистское сознание в новых условиях может существовать только в прозе, а в непосредственном выражении оказывается незащищенным и хиреет (поэзия 40-х гг.). Но всё это так... поворот в сторону, о которой я сейчас не думаю».

В письме от 16 июня 1966 г. Максимов говорит более прямо:

«О лермонтоведении я думаю со скукой, и мне хочется всем студентам, желающим вступить в эту область, посоветовать этого не делать. Всё новое лермонтоведческое мне кажется тавтологией или полутавтологическими вариантами давно <сложившихся?> тем. Куда лучше Достоевский!».

Свои работы о Лермонтове Максимов переживал как не вполне понятые и востребованные, в том числе и теми, чье мнение для него было дорого. В уже цитированном письме Журавлевой от 31 января 1968 г.:

«И потом уж совсем лично (об этом можно написать только другу, да и то не принято)... Насколько ненужной оказалась Вам моя книжка о Лермонтове! Показательно, что Вы ссылаетесь (из вежливости) на самый второстепенный пункт в этой книжке – на мое понимание романтизма, в который я совсем не углублялся. Очевидно, эта книга “прошла стороной, как проходит косой дождь”, не только у Вас, но и вообще и в этом и она (или просто она) виновата. У Гинзбург – фронтальное наступление на Лермонтова, а у меня рейды-намеки, но мне они всё еще дороги и я жалею, что они как-то не получили резонанса. Особенно: “соседство” как стадийная форма отношения Лермонтова к людям, “возмездие”, мой “Демон” (в изд. 1964 г.) (“простой человек” получил отзвук, но у меня он сделан грубовато, хотя суть правильная)».

Сомнения в том, «существует» ли в науке его книга о Лермонтове, Максимов высказывает и позднее: в письме от 8 апреля 1981 г., обсуждая целесообразность ее переиздания (об этом чуть позже).

* * *

Участникам лермонтовского семинара Журавлева неизменно рекомендовала максимовский анализ стихотворений «Родина» и

«Выхожу один я на дорогу»¹⁹, считая его в какой-то мере «эталонным»; позволим себе предположить, что статья самой Журавлевой о «Родине»²⁰, отсылающая к «Поэзии Лермонтова» и написанная практически одновременно со статьей Максимова о том же стихотворении, была отчасти и результатом личного общения. Анна Ивановна говорила студентам не только о значительных научных идеях Д.Е. Максимова, но о нем как о личности: вспоминала, например, его сравнительно позднюю защиту докторской диссертации, в шестьдесят лет. На вопрос, сколько времени он ее готовил – отвечал: «Всю жизнь».

О степени научной близости Максимова и Журавлевой говорят планы издать в соавторстве книгу о Лермонтове, намерения, высказанные в письме от 18 февраля 1981 г.:

«Куда глядят Ваши глаза? Не на Лермонтова ли? Написали бы мы с Вами книгу о его лирике – я дал бы свою первую статью с исправлениями <21>, а Вы – всё остальное!».

8 апреля 1981 г.:

«Вы ответили мне неопределенно, да и я в своем предложении не был вполне определен. Причина моих сомнений – в том, что я не перечитывал своего “Лермонтова” и не уверен, действительно ли существует эта книга в 1981 или же она очень устарела. Боюсь, что и перечитав написанное, не смогу сам ответить на вопрос о законности переиздания при условии самых малых поправок и ссылок на новую литературу (к большому я не призван: у меня есть другие долги и сил мало). Вот бы Вы честно и ответственно ответили мне на этот вопрос (на резкие ответы, если они исходят от людей, которых я уважаю, я не обижаюсь).

Ретроспективно мне кажется, что самое важное в моем «Лермонтове» то, что сделано мною наименее искусно и не досказано до конца: о «простом человеке», который есть не только он сам, но и “реализм”, “почва” и “Россия” и который как “Поправка” (с большой буквы) к “интеллектуальному герою” – в сочетании с ним и есть Лермонтов, в отличие от Байрона, лишенного этой почвы... Но сказать об этом как следует я сейчас не смогу...

Подумайте, Асенька, об этом – обо мне, о себе и о “нашей книге”» (!)

Сразу заметим, что идея Максимова об особом демократизме Лермонтова, о значимости «простого сознания» (как это переформулировала Журавлева) в его художественном мире была особенно

¹⁹ См.: Максимов Д.Е. «Выхожу один я на дорогу», стихотворение М.Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1965. № 6. С. 13–21; Он же. О двух стихотворениях Лермонтова. «Родина», «Выхожу один я на дорогу» // Русская классическая литература: Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М., 1969. С. 121–141.

²⁰ Журавлева А.И. К пониманию идейного смысла «Родины» // Литература в школе. 1969. № 1. С. 73–79.

²¹ Максимов Д.Е. О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 7–33.

близка Журавлевой, что проявилось не только в ее печатных лермонтоведческих работах, но прежде всего в преподавательской практике и текстах, выходящих за пределы собственно филологии. Между прочим, Максимов считал, что своей мыслью о значимости темы «простого человека» он обязан Ап. Григорьеву – которым занималась и которого переиздавала Журавлева; об этом он говорит, например, в письме от 18 февраля 1981 г., благодаря за посылку – подготовленное Журавлевой издание статей Григорьева²²:

«Если бы были силы и печатные возможности, я бы написал что-нибудь вроде “Ап. Григорьев для нас”. Ведь я, через голову поколений и разных символизмов, и сам ему многим обязан, начиная с темы “простого человека” у Лермонтова – темы, которая оттолкнула Эйхенбаума, но за которую я держусь до сих пор...»

Добавим, что к Григорьеву у Максимова могут восходить мысли о самостоятельности искусства, о подчиненной роли критики, столь важные и для Журавлевой. Имя Григорьева возникает не единожды; см., например, в письме от сентября 1978 г.:

«Я выбрал себе тему о Блоке и любимом им Карлейле, которым, как известно, увлекался и Ваш Аполлон. Не можете ли с налета сказать, где у него ссылки на Карлейля и усматриваете ли Вы явные следы влияния. Вероятно, карлейлевская (*английская*) переработка немецкого романтизма в чем-то (органика у Карлейля, почвенническая органика – у Аполлона) параллельна русской переработке романтизма у Аполлона. Вероятно, у Блока карлейлевская и аполлоновская струя сливались в чем-то». (Подробной разработки у Максимова эта мысль, насколько нам известно, не получила, однако была высказана печатно²³.)

Возвращаемся к проекту общей книги, обсуждавшемуся в 1981 г. 7 июня Максимов отвечает на письмо Журавлевой (не обнаруженное нами в фонде Максимова в ОР РНБ), предполагая уже распределение ролей:

«Радует меня Ваша положительная характеристика моей древней книги о Лермонтове. Если Вы дополните ее работами по поэтике (поэтика поэзии, не прозы?), – это именно то, что надо: у меня о поэтике – очень мало».

С последними словами Максимова, на иной взгляд, согласиться трудно; видимо, «поэтикой» Максимов считал, например, разговор о жанрах, внимание к которым он находил чрезмерным в кандидатской диссертации Журавлевой. Сама Журавлева с Максимовым, возможно,

²² Григорьев Ап. Эстетика и критика / Подготовка текста, комм., вступ. статья А.И. Журавлевой. М., 1980. 496 с.

²³ Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. С. 379.

была согласна; вот как, например, она упоминает о работе Максимова «Лермонтов и Блок»:

«Помимо содержательных связей – сближений и расхождений с лермонтовскими мыслями о жизни, с его концепцией мира (они прослежены в статье Д.Е. Максимова “Лермонтов и Блок”) – существенно, видимо, ощущение внутреннего родства их поэтических систем»²⁴.

* * *

В семидесятых – начале восьмидесятых годов, в тот период, когда переписка Максимова и Журавлевой наиболее активна, Максимов считает своим главным делом работы о Блоке и Брюсове. В письме от 4 сентября 1965 г. Максимов даже в своей новой статье о Лермонтове говорит:

«...Я кончаю небольшую статейку о “Выхожу один я на дорогу”. Жаль, что Вас нет рядом – показал бы. Но в целом мысли мои больше обращены не к Лермонтову, а к Блоку и отчасти к его посмертной судьбе в нас <курсив наш. – Г.З., Е.П.>».

Студентам своего лермонтовского семинара в МГУ²⁵ (1970-е – 1990-е годы) Журавлева объясняла, что «Лермонтов Дмитрия Евгеньевича прочитан глазами Блока», в этом и сила, убедительность его взгляда, и уязвимость. Видимо, именно о том, что филологу не следует замыкаться в одной исторической эпохе, писал Максимов Журавлевой в 1968 г. по поводу ее диссертации:

«Лермонтов Ваш вышел вполне добротен. Но в этой исхоженной теме (а Вы нашли в ней свое, новое), очерченной площадке есть некая ограниченность, касающаяся литературоведов любой силы. Подойдете на новую просторную тему, и сразу появится у Вас новое дыхание и откроются новые просветы».

Суждения Журавлевой о Лермонтове иногда отмечаются Максимовым постольку, поскольку они наводят на мысли о поэзии позднейшей:

«...Очень заинтересовался названием Вашего доклада на Лермонтовской конференции: о лирических жанрах²⁶. Хочу даже попросить Вас при-

²⁴ Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002. С. 20.

²⁵ 28 марта 1968 г. Журавлева писала В.А. Мануйлову: «... в университете теперь два Лермонтовских семинара: Владимира Николаевича и мой» (из личного архива Журавлевой).

²⁶ В отчетах об XI Всесоюзной лермонтовской конференции (1969) доклад Журавлевой не упоминается.

слать рукопись, если возможно и просто: мне интересно примерить это к лирическим жанрам Блока (плагирировать не буду)» (8 ноября 1969 г.)

Уже в семидесятые годы – наиболее очевидным образом в статье о “*Silentium!*” Тютчева²⁷ – Журавлева, выходя за пределы того, что Максимов назвал «очерченной площадкой», будет читать поэзию XIX в. глазами не Блока, конечно, но всё равно с точки зрения читателя с эстетическим опытом XX в.

Журавлевой были близки и мысли Максимова о самостоятельности искусства, о необходимости поиска «особого языка», пригодного для разговора о литературе, языка не «бухгалтерского», а живого, человеческого, при этом способного не подменить собой эссеистически, не вытеснить предмет, а передать его суть и сам процесс анализа. (Максимов неоднократно высказывался на эту тему, см., например, раздел «Эпистолярный»²⁸.) Стилистическая общность позиций прослеживается и в понимании подчиненной роли критики, «секундарности» литературоведения как дисциплины-посредника между автором и читателем. Общность этих основополагающих для обоих ученых идей обнаруживается и в «исследовательском почерке», и в переписке.

Список литературы

- Григорьев А.п. Эстетика и критика / Подготовка текста, комм., вступ. статья А.И. Журавлевой. М., 1980. 496 с.
- Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007.
- Журавлева А.И. К пониманию идейного смысла «Родины» // Литература в школе. 1969. № 1. С. 73–79.
- Журавлева А.И. Лермонтов в русской литературе: Проблемы поэтики. М., 2002.
- Журавлева А.И. Лермонтов и Достоевский // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1964. Т. 23. Вып. 5. С. 386–392.
- Журавлева А.И. Лермонтов и философская лирика 1830-х годов // Научные доклады высш. школы. Филол. науки. 1964. № 3. С. 3–14.
- Журавлева А.И. Семинар уже был легендарным // Время, оставшееся с нами. Филологический факультет в 1955–1960 гг. Воспоминания выпускников. М., 2006; см. также: URL: <http://www.philol.msu.ru/~alumni/memories/zhuravleva>
- Журавлева А.И. Стихотворение Тютчева “*Silentium!*” (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 179–190.
- Журавлева А.И., Турбин В.Н. Творчество М.Ю. Лермонтова: Семинарий для студентов-заочников филол. фак. гос. ун-тов. М., 1967.

²⁷ Журавлева А.И. Стихотворение Тютчева “*Silentium!*” (К проблеме «Тютчев и Пушкин») // Замысел, труд, воплощение... М., 1977. С. 179–190.

²⁸ Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007.

- Максимов Д.Е. «Выхожу один я на дорогу», стихотворение М.Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1965. № 6. С. 13–21.
- Максимов Д.Е. Лермонтов и Блок // Ленинград. 1941. № 13/14. С. 21–22.
- Максимов Д.Е. «Мцыри», поэма Лермонтова // Русская литература. 1958. № 4. С. 71–97.
- Максимов Д.Е. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова // Русская литература. 1964. № 3. С. 3–12.
- Максимов Д.Е. Образ поэта в лирическом творчестве: К итогам дискуссии о лирическом герое в поэзии // На рубеже. 1954. № 6. С. 70–74.
- Максимов Д.Е. Образ простого человека в лирике Лермонтова: К постановке вопроса // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Покровского, ф-т языка и литературы. Т. 9. Вып. 3. Л., 1954, С. 143–209.
- Максимов Д.Е. О двух стихотворениях Лермонтова. «Родина», «Выхожу один я на дорогу» // Русская классическая литература: Разборы и анализы / Сост. Д. Устюжанин. М., 1969. С. 121–141.
- Максимов Д.Е. О лирике Лермонтова // Литературная учеба. 1939. № 4. С. 7–33.
- Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1975. 527 с.
- Максимов Д.Е. Поэзия Лермонтова. Л., 1959. 327 с. (2-е изд. Л., 1964; по мнению автора, выраженному в письме Журавлевой, оно существенно переработано).
- Максимов Д.Е. Тема простого человека в лирике Лермонтова // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы: Сб. статей. М.; Л., 1960. С. 208, 273.
- Мелихова Л.С., Турбин В.Н. Поэмы Лермонтова (Опыт анализа жанрового своеобразия художественного произведения). Тезисы-конспект спец. курса для студентов-заочников филол. ф-тов ун-тов. М., 1969.

Сведения об авторах: Зыкова Галина Владимировна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы XX века филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gzykova@mail.ru; Пенская Елена Наумовна, докт. филол. наук, профессор, руководитель школы филологии факультета гуманитарных наук Высшей школы экономики. E-mail: e.penskaya@gmail.com